

Любителям искусства имя народного артиста СССР, лауреата Государственной премии РСФСР Олега Басилашвили говорит о многом — и само по себе, и претворенное в длинный ряд не похожих друг на друга персонажей, созданных артистом в кино и на сцене Ленинградского академического Большого драматического театра им. Горького.

Помимо естественного интереса к творчеству О. Басилашвили, у меня еще был, так

сказать, и личный повод встретиться с ним. Дело в том, что в числе читательских откликов на серию статей о переименованиях улиц, площадей, имеющих давнюю историю, в редакцию пришло и большое письмо из Ленинграда от О. В. Басилашвили, в котором он горячо заступился за старомосковские улицы Покровку, Маросейку и др. Неудивительно, что именно с этих вопросов и началась наша беседа.

вает где-то в стороне от него, там, далеко. Куда влечется его центр, туда (немного погодя) приходит и сам хозяин живота Лыняев. У Войничского в «Дяде Ване» центр тяжести перемещается от головы к сердцу и обратно, он его клонит то туда, то сюда...

— А у Хлестакова где центр?

гда переводчик Бил Хансен приобщает вас к новомодному увлечению.

— Да, Георгию Данелия тогда пришлось крепко поработать, чтобы научить меня умело сыграть неумелость.

— Систематические занятия бегом помогают поддерживать форму, до сих пор легко и свободно играть порхающе-юркого Хлестакова?..

— Безусловно.

— А вот еще вопрос. Как вы думаете, кем мог бы стать Хлестаков к пятидесяти годам?

— В моем нынешнем возрасте? (Смеется). Думаю, что незабвенный Иван Александрович, если бы удачно женился, мог быть даже губернатором. Мог бы быть... вы не обидитесь?.. журналистом, у него очень язык был подвешен.

— А ревизором мог бы стать, не samozванцем, а всамделишным столичным ревизором?

— Мог бы! И притом, если б попало в настроение, он мог бы быть иногда беспощадным ревизором в борьбе с негативными явлениями в губернском городе.

— Говорят, вы домосед. Как вы проводите свое свободное время?

— Люблю быть дома, в семье, с дочками. Как провожу свободное время? Вчера, например, со своей младшей дочкой Ксенией, ей 12 лет, тайком наклеивали плакат на дверь котельной. У нас в доме все время исчезает горячая вода. Наклеивали плакат на наступление темноты, тайком. Чувствовали себя (смеется) «юными мстителями»...

— А правда ли, что Эльдар Рязанов давал вам письменную расписку в том, что он обязуется снимать вас во всех своих фильмах без исключения?

— Да (смеется), есть такая расписка. Но Эльдар Александрович почему-то снимает меня все больше в ролях малоприятных персонажей. То карьерист Самохвалов в «Служебном романе», то... Перед «Вокзалом для двоих» звонит и говорит: «Угадай, какая фамилия будет у твоего будущего героя?» «Мерзавцев?» — «Нет». — «Убийченко?». «Нет, — говорит, — твой герой положительный, он будет носить фамилию Рябинин. Правда, — добавил Рязанов, — твой Рябинин будет в конце сидеть в колонии усиленного режима».

— Видимо, после всего этого в некотором смысле актерской реабилитацией являлась для вас роль полковника Костенко в телефильме «Противостояние»?..

— Да, я с радостью за нее взялся. Эта роль — мой актерский монолог о том, что я сам исповедую, что ненавижу, что люблю в жизни и людях. Наступил новый год. С каким чувством вы его встретили?

— С надеждой и радостью. Я люблю новое, перемены. Там, за порогом нового года, — новые роли. Каждая из них — актерская исповедь. Исповедь наедине со всеми.

Беседу вел

А. ВАСИНСКИЙ.

Олег БАСИЛАШВИЛИ:

«НАЕДИНЕ С ОВСЕМИ»

— Прежде всего, Олег Валерьянович, благодарим за письмо в редакцию, за поддержку нашей позиции против непродуманных досадных переименований, которые...

— Досадных? Мягко сказано. Неуместных, недопустимых! Это моя гражданская позиция. Об этом нельзя молчать, и в статье «Еще раз об Арматурной, Чугуевской и др.» правильно ставился вопрос, что на пути ненужных переименований должна встать гласность. Недавно поехал к приятелю, который всю жизнь жил в Лазовском переулке недалеко от метро Аэропорт, это название — Лазовский переулок — я встречал у Писемского. Так вот, переименовали, вместо того, чтобы присвоить почтенное наименование новой улице в новом каком-нибудь микрорайоне столицы. Уже говорилось о московской Маросейке. Ее, как известно, переименовали в ул. Богдана Хмельницкого в 1954 году. Человек, которому пришла в голову эта идея, видимо, и не подозревал, что занимается исторической тавтологией, повтором, потому что московский люд за несколько веков до него уже увековечил своего малороссийского собрата, назвав улицу, где стояло малороссийское посольство, — Малороссийской. Шли века, по законам разговорного языка Малороссийка превратилась в Маросейку... Это ли не наглядный, маленький урок истории дружбы и уважения одного народа к другому? Тысячи названий заставляют нас не раз на дню с уважением вспомнить близких и далеких наших предков, которые — подумайтесь — эти названия приносили так же, как и мы... Одно это волнует.

— Вы хорошо знаете Москву...

— Еще бы! Я старый москвич, здесь родился, вырос, учился. К тому же моя мама Ирина Сергеевна Ильинская привила мне любовь к истории, — она была филолог-пушкинист, работала в Институте русского языка им.

Пушкина, даже участвовала в комиссии по наименованию улиц при Моссовете. У меня дома хранятся ее альбомы и материалы по истории Москвы. Вот почему все это вдвойне, втройне дорого. И когда, например, узнаешь, что Zubовскую площадь — бесспорнейший топоним XVII века — переименовывают, становится грустно еще и потому, что делают это без предварительного сообщения в печати, без совета с населением.

— Вы можете уснуть на одной улице, а наутро проснуться совсем на «другой» улице...

— К сожалению, это так. Обидно. Москва — моя родина. Там адреса моего детства — Покровка, Колпачный переулок, спуск к Солянке, Потаповский...

— Как?! И мое детство прошло там — Потаповский, Сверчков, Чистые пруды... Выходит, мы с вами ходили по одним улицам?

— И похоже в одно и то же время. Где вы были 9 мая сорок пятого?

— На Красной площади.

— И я! А вы помните, как военные покупали всю тележку мороженого и раздавали нам, пацанам?

— Как же! А помните, Олег Валерьянович... (тут я опускаю большую и, признаюсь, довольно бессвязную часть нашей беседы, что извинительно и понятно для сверстников военного и послевоенного времени, да еще чуть ли не соседней по особым мирам, какими были московские дворы той поры) Ну, хорошо, перейдем ли мы когда-нибудь к разговору о вашем творчестве, о ролях, а то все о топонимике, о детских воспоминаниях, о...

— ...О постороннем, вы хотите сказать? Но все, что имеет отношение к жизни, не есть постороннее для творчества. Его питает все. Детские впечатления? Они до сих пор во мне горят, как лампа под абажуром, а в этом круге света я вижу зимние московские переулки, читальный зал Ленинки, тот, на горке который, бывшая Румянцевская, куда мы ходили греться и читать. Помню — все время есть хотелось... А спектакль «Синяя птица» во МХАТе? Я помню его до мельчайших подробностей, хотя видел в мае 1941 года, меня мама водила. Я был

покорен театром раз и навсегда. Так мы жили... Ведь тогда не было телевизора... Все вечера во дворе, в густонаселенной квартире...

— Тогда, в конце войны и сразу после нее, первичной ячейкой государства можно было бы назвать коммунальную квартиру, потому что семья была жеско-детской, ведь отцы, братья были на фронте, и многие не вернулись...

— Да, это так, мой отец добровольцем ушел на фронт, мой старший брат, капитан-артиллерист, погиб на Курской дуге. А большой нашей семьей и, правда, была коммунальная квартира. Все было, но, главное, была общность атмосферы — недоедания, суровости, дружбы, неизбалованности. И честности, духовности. Помню, отец вернулся майором, стал директором политехникума связи, а не уезжал из коммуналки, стыдно было перед жильцами, хотя мог получить отдельную квартиру. Как уезжать, ведь вместе прожили с 19-го года... Неудобно...

— В студию МХАТа вы поступали, очарованные тем детским впечатлением от «Синей птицы»?

— Можно так сказать. Позже пересмотрел все спектакли по многу раз. У меня, можно сказать, не было выбора — только МХАТ!

— После распределения вы сменили много городов и театров...

— ...И уже работая в Ленинградском театре имени Ленинского комсомола, однажды увидел «Пять вечеров» в Большом драматическом театре им. Горького в постановке только что появившегося режиссера по фамилии Товстоногов. Я увидел атмосферу подлинного искусства, и судьба моя была решена во второй раз. Я стал актером БДТ.

— Вы как-то процитировали высказывание великого русского актера Михаила Чехова о том, что во всякой роли есть свой центр тяжести, и актеру надо его разгадать?

— Да, я взял на вооружение эту, так сказать, теорию актерского тяготения. В Лыняеве из пьесы «Волки и овцы» трудно увидеть, что центр его тяжести есть живот. Я играю этот живот, он у Лыняева пла-

вает где-то в стороне от него, там, далеко. Куда влечется его центр, туда (немного погодя) приходит и сам хозяин живота Лыняев. У Войничского в «Дяде Ване» центр тяжести перемещается от головы к сердцу и обратно, он его клонит то туда, то сюда...

— Нигде. Не знаю. Но он вез его, это точно. То где-то на небе. То вдруг обнаруживается глубоко под землей. То неожиданно далеко за спиной. Его поэтому и как бы бросает из стороны в сторону. Вы заметили? — Можно маленькое личное признание? Я впервые заметил вас в фильме «Живой труп». Ежикор Каценин. Это была отличная работа. Я бы сказал, настоящая интеллигентность в искусстве. Как точно вы сыграли разницу между Феей и Карениным.

— Спасибо. Я люблю ту давнишнюю теперь роль. Помните? Феда хотел воли. Не свободы, а воли. Я в Каренине играю не волю, а цивилизованную регламентированную свободу, голую порядочность, и зритель понимает, что ему не хватает чего-то существенного, может быть, тепла, легкой греховности, «немашинной» непредсказуемости.

— Наверное, не очень легко «переходить» от ролей такого плана, скажем, к «осенне-марафонному» Бузыкину, у которого хватает и «легкой греховности», и «немашинной» непредсказуемости...

— Вы, я понимаю, иронизируете, но, знаете, я уже причудился быть отчасти и адвокатом персонажа, исходя из того, что я его стараюсь понять. Бузыкин идет на изначальный компромисс. И не со зла. В чем заключалась бы правда? Оставь жену, уйди к Алле. Но такая правда убивает по меньшей мере одного человека. Вот он и лжет, подыгрывает, чтобы, так сказать, «всем было хорошо». Все это не так просто.

— Можно один вопрос издалека? Этой осенью и был в отпуске в турпоездке по ГДР. В Лейпциге утрем наша группа выходит к автобусу из гостиницы «Am Ring» и — представьте наше изумление — мы вдруг видим стремительно бегущего Басилашвили. Не успели мы опомниться, как он скрылся за углом. «Что бы это значило?» — подумали мы штампом 16-й страницы «Литературной газеты»...

— Вот как! Да, мы были там на гастролях... «История лошади»... Нет, я ни от кого не убежал, а просто утром, как всегда, бегал трусцой.

— И бегали легко, умело, а в «Осеннем марафоне» вы выглядите таким «неумехой», ко-